

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1989–1991. Т. 1–4.
2. Данькова Т.Н. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000.
3. Данькова Т.Н. Русская терминология растениеводства : история становления и современное состояние : моногр. / науч. ред. О.В. Загоровская. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010.
4. Есенин С. Стихотворения. М. : Изд-во «Альпари», 1995.
5. Загоровская О.В. Эстетическая функция языка и эстетическая значимость слова в художественном тексте (на материале цикла стихотворений А. Блока «Снежная маска») : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1977.
6. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX в. М. : Наука, 1986.
7. Кошечкин С.П. Весенней гулкой ранью... : этюды-раздумья о Сергее Есенине. М., 1984.
8. Словарь русских народных говоров / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исследований. СПб., 1970. Вып. 1–41.
9. Соколова Н.К. Слово в русской лирике начала XX в. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1980.
10. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 8-е изд. М. : Рус. яз.-Медиа, 2007. Т. 1–2.
11. Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М. : Наука, 1974–2005. Вып. 1–32.

* * *

1. Dal V.I. Tolkoviy slovar zhivogo velikoruskogo yazyika : v 4 t. M. : Rus. yaz., 1989–1991. T. 1–4.
2. Dankova T.N. Kontsept «lyubov» i ego slovesnoe voploschenie v individualnom stile A. Ahmatovoy : dis ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2000.
3. Dankova T.N. Russkaya terminologiya rastenievodstva : istoriya stanovleniya i sovremennoe sostoyanie : monogr. / nauch. red. O.V. Zagorovskaya. Voronezh : Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2010.
4. Esenin S. Stihotvoreniya. M. : Izd-vo «Alpari», 1995.
5. Zagorovskaya O.V. Esteticheskaya funktsiya yazyika i esteticheskaya znachimost slova v hudozhestvennom tekste (na materiale tsikla stihotvoreniy A. Bloka «Snezhnaya maska») : dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 1977.
6. Kozhevnikova N.A. Slovoupotreblenie v russkoy poezii nachala XX v. M. : Nauka, 1986.
7. Koshechkin S.P. Vesenney gulkoj ranyu... : etyudy-razdumya o Sergee Esenine. M., 1984.
8. Slovar russkih narodnyih govorov / Ros. akad. nauk, In-t lingv. issledovaniy. SPb., 1970. Vyip. 1–41.
9. Sokolova N.K. Slovo v russkoy lirike nachala XX v. Voronezh : Izd-vo VGU, 1980.

10. Chernyih P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyika : v 2 t. 8-e izd. M. : Rus. yaz.-Media, 2007. T. 1–2.

11. Etimologicheskii slovar slavyanskih yazyikov : praslavyanskiy leksicheskiy fond / pod red. O.N. Trubacheva. M. : Nauka, 1974–2005. Vyip. 1–32.

~~~~~

Russian agricultural vocabulary as one of the ways of verbal expression of the theme of Motherland in the creative work by S. Yesenin

There is described the significance of the agricultural vocabulary for the theme of Motherland in the creative work by S. Yesenin. There are analyzed the language means including figurative and expressive ones, which prove the close connection of the inner state of mind of S. Yesenin with the Motherland, which essential part are the realities of the village, peasant, agricultural world that has taken the main place in the lives of Russian people from time immemorial.

Key words: *theme of Motherland, agricultural vocabulary, territorial dialects, folklore.*

(Статья поступила в редакцию 26.05.2014)

М.А. КУРДЫБАЙЛО
(Волгоград)

ПОВТОРНАЯ НОМИНАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Анализируется повторная номинация как средство передачи эмоционального состояния героев рассказов Татьяны Толстой. Выявлены наиболее частотные эмоции, выраженные повторной номинацией: разочарование, радость, волнение, страх, гнев.

~~~~~

Ключевые слова: *повторная номинация, цепочка повторной номинации, эмоция, эмоциональное состояние, коннотация.*

Человек как живое существо обладает эмоциями, более того, эмоции зачастую управляют им самим, заставляя совершать те или иные поступки. Под влиянием эмоций речь одного и того же человека может кардинальным образом изменяться. «Современно звучит мысль

М. Бреалю о том, что речь была создана не для описания, повествования и неподвизных рассуждений, а для того, чтобы выражать желание, делать предписания, а все это не может быть произведено без эмоционального сопровождения» [1, с. 2].

Человеческая жизнь наполнена эмоциями, которые определяют наше настроение и душевное состояние. Отечественный психолог Е.П. Ильин выделил следующие группы эмоций: 1) эмоции ожидания и прогноза (волнение, тревога и т.п.); 2) удовлетворение и радость; 3) фрустрационные эмоции (обида, разочарование, досада, гнев и т.п.); 4) коммуникативные эмоции (веселье, смущение, стыд, вина); 5) интеллектуальные «эмоции», или аффективно-когнитивные комплексы (удивление, интерес, «чувство» юмора) [3, с. 139–200].

Лингвистика позже других наук обратилась к изучению эмоций человека, т.к. проблеме их вербализации не уделялось большого внимания. Основоположниками нового эмотиологического направления лингвистики стали такие отечественные лингвисты, как В.А. Мальцев, В.И. Шаховский, М.Д. Городникова, Э.С. Азнаурова, И.В. Арнольд, Н. М. Михайловская, О.И. Быкова, Н.М. Павлова и др. [1, с. 2].

В.И. Шаховский определяет эмотиологию как науку о «вербализации, выражении и коммуникации эмоций» [2, с. 8]. Стержнем эмотиологии является лингвистическая концепция эмоций, суть которой состоит в том, что человек на протяжении всей своей жизни воспринимает окружающий его мир, фиксируя эти представления в языке посредством этого же языка. Главную роль в регуляции этого процесса берут на себя эмоции, именно они определяют значимые для человека объекты и явления окружающей действительности. Эмоциональная оценка и реакция отражаются в семантике выбранных слов, в формо- и словообразовании [4, с. 98–99].

В художественном тексте эмоциональное состояние передается через специально отобранные автором языковые знаки, доносящие до читателя эмоции героев произведения. Несмотря на то, что русский язык изобилует эмоционально-оценочными средствами, порой сложно подобрать слова, чтобы выразить все чувства и эмоции. Мы полагаем, что повторная номинация дает писателю возможность подойти к решению этой проблемы многогранно: не только обозначить характер эмоции, но показать ее силу и глубину, передать

внутреннее состояние героя произведения в момент эмоционального всплеска. В данной статье мы анализируем роль повторной номинации (ПН) для выражения эмоционального состояния героев рассказов Татьяны Толстой.

Как показал анализ, в произведениях писательницы наиболее часто повторная номинация позволяет выразить следующие эмоции: разочарование, радость, волнение, страх, гнев. Так, в рассказе «Вышел месяц из тумана» разочарование выражает неудовлетворенность человека неоправданной ожиданиями, несбывшимися надеждами и т.п.: *А потом что-то сломалось, что-то пошло не так; калейдоскоп разбился, а в нем – всего-то: горсть тусклых стекляшек, картон да огненные с изнанки полоски зеркал. Мир начал съезжаться в размерах и чахнуть, трава пошла на убыль, потолок опустился вниз, проступили границы, счастливые игры забылись. И вечерние туманы, и волки, и лес оказались намалеваны на холсте, небрежно натянуты на деревянные рамы, прислонены к холодной стене. Взрослые нарушили все правила и умерли: отца перечеркнуло красной военной чертой, мать съезжилась и погасла, лица их расплылись в дрожащей сетке дождя. Вцепилась, удержалась, осталась одна бабушка. И перед Наташей легла барьером, встала частоколом бабы-яги непроглядная черная юность: кривые тупики, позорные помыслы, отвратительные догадки* [6, с. 282–283].

Наташа, героиня рассказа Татьяны Толстой, переступив порог детства, вошла в юность. В нелегкий, переломный момент своей жизни девушка осталась без поддержки родных и близких. Если детство было наполнено добрыми сказками, радостью и весельем, заботой и любовью родителей, то юность героине кажется мрачной безысходностью. В ряду ПН эмоция разочарования передается в тексте через следующие языковые единицы: *кривые тупики, позорные помыслы, отвратительные догадки*. Характер эмоции определяет негативная коннотация эпитетов: *кривые, позорные, отвратительные*. Метафора *непроглядная черная юность*, открывающая ряд ПН, помогает писательнице донести до читателя душевное состояние героини, вызванное тяжелыми мыслями. Определяющими языковыми единицами в ряду ПН являются слова, также имеющие отрицательную коннотацию: *непроглядная* ‘безрадостный, безотрадный’ [5, т. VII, с.1110] и *черная* ‘не вызывающий одобрения;

плохой, отрицательный, предосудительный» [5, т. XVII, с. 924].

Таким образом, Татьяна Толстая использует ПН для передачи негативного эмоционального состояния своей героини. В контексте повествования писательнице не достаточно было просто обозначить конкретную эмоцию, ей необходимо отразить сложившуюся в жизни девушки ситуацию, ведь, потеряв уверенность не только в себе, но и в собственной жизни, героиня утратила веру и надежду на будущее, которое теперь ей видится беспросветным. Все детские мечты развеялись, оставив после себя лишь горечь разочарования.

Полярной эмоцией разочарования является радость. Это состояние героев рассказов Татьяны Толстой нередко находит языковую объективацию с помощью ПН. Например, героиня рассказа Татьяны Толстой «Женский день», маленькая девочка, полная радости, идет домой, не замечая темных дворов, почерневших сугробов и прежде пугающих цыганок, ведь перед ее глазами не только проспект, но и весь мир, освещенные весенней желтой зарей, наполненные теплым, южным, маминим запахом. Он наполняет ее душу, даря безмятежность и радость: *...Я иду домой, проходными дворами, мимо почерневших и осевших сугробов, и по Кировскому проспекту, освещенному негаснущей, весенней, желтой зарей, и через мостик, и мимо цыганок, темными тенями стоящими на перекрестках в сгущающихся сумерках; я не вижу, что они делают, не вижу, что у них в руках, – только запах, – райский, желтый, южный, – веет мне вслед; – мамин запах, мой запах, ничей, свободный, женский, весенний, вечный, невыразимый, без слов* [6, с. 279–280].

Цепочка ПН представлена большим количеством эпитетов: *райский, желтый, южный, ничей, свободный, женский, весенний, вечный, невыразимый, без слов*. Каждое из слов передает различные оттенки радости. Проанализируем некоторые из них: *райский* ‘относящийся к раю; перен. доставляющий радость, удовольствие; благодатный’ [5, т. XII, с. 562]; *желтый* ‘один из основных цветов солнечного спектра, средний между оранжевым и зеленым’ [Там же, т. IV, с. 67]; *южный* ‘относящийся к югу, находящийся на юге, идущий с юга’ [Там же, т. XVII, с. 1979]; *свободный* ‘нестесненный ограничениями, запретами, беспрепятственный’ [Там же, т. XIII, с. 401]; *вечный* ‘непреходящий, не перестающий существовать; неограниченный какими-либо сроками’ [Там

же, т. XIII, с. 129]. Следовательно, ПН отражает безмятежную радость, сравнимую только с райским наслаждением и ярким солнечным светом.

В то же время маленькая девочка охвачена волнением: в ее руках поздравительная открытка маме, но открытка государственная, распечатанная по всей стране миллионным тиражом и заполненная под диктовку учителя ничего не значащими для ребенка словами: *Я подписываюсь: «Твоя дочь Таня». Я думаю без слов, я представляю, как я понесу эту страшную, государственную карточку, эту заразную бородавку в дом, маме, ни о чем не подозревающей маме, как я принесу ей эти неправильные, лживые слова, – без запаха, без поцелуя, без чувства, без невысказанной нежности, без тех снов с сердцебиением, когда она выпускает мою руку и растворяется в толпе, – а я беззвучно кричу ей вслед, – я принесу и поднесу ей эту страшную, бородавчатую, мертвую карточку, и она испуганно уставится на красную восьмерку со стальными государственными зубами... я заражу дом, и мертвая мимоза бородавками расползется по маминим рукам* [6, с. 279].

Ребенку открытка кажется нечто жутким, именно поэтому первым элементом в цепи ПН стоит лексема *страшная* и только после него – *государственная*. Для девочки открытка сравнима с заразной болезнью. Здесь важным элементом для понимания мысли автора является метафора *заразная бородавка*: *я заражу дом, и мертвая мимоза бородавками расползется по маминим рукам* [Там же]. Увеличение количества элементов ПН (*неправильные, лживые слова, – без запаха, без поцелуя, без чувства, без невысказанной нежности, без тех снов с сердцебиением; страшную, бородавчатую, мертвую карточку*) отражает рост волнения в душе героини. Об этом также свидетельствует неоднократное употребление следующих лексем: *страшная* и *мертвая*.

Таким образом, повторная номинация не только отражает волнение девочки, но параллельно с возрастанием элементов ПН в тексте указывает нам и на рост тревоги в ее душе. Волнение и тревога, охватившие ребенка, вызывают в ней страх: *В моем ранце – мертвая карточка, чумной билет; мне велели передать его дальше, но почему-то я не хочу, но надо, но я не хочу, но они ждут, но я не хочу. Стая женщин с криком и стуком навалились на меня, стучат в моем мозгу, дают и пихают: передай, передай, пусть она тоже... как*

мы... *И ты тоже... и все... и каждый... никто не уйдет...* [5, с. 280].

Толстая использует для отражения эмоционального состояния героини три цепочки ПН: первая характеризует поздравительную открытку, вторая – отношение девочки к происходящему, третья – мысли девочки. Проанализируем каждую отдельно. Первая цепочка ПН отражает мысли девочки, вызванные страхом: *мертвая карточка, чумной билет*. Во-первых, героиня ни разу не назвала ее открыткой, т.к. для нее она является чем-то формальным, именно поэтому она называет ее всего лишь *карточкой* или *билетом*. Во-вторых, стоит обратить внимание на эпитеты: *мертвая, чумная*. Они передают тревогу, вызванную случившимся: мертвенность карточки вызвана ее обезличенностью, а лексема *чумной* отражает страх девочки, ее опасения в возможности открытки распространять смертельные болезни.

Вторая цепочка ПН, представленная повтором глагольных лексем в отрицательной форме *я не хочу, но надо, но я не хочу, но они ждут, но я не хочу*, отражает динамику чувств героини. ПН доказывает ее тревогу и нежелание дарить открытку.

Третья цепочка также позволяет Т. Толстой охарактеризовать показать динамику чувств героини. Страшные мысли, наполнившие ее душу страхом, персонализируются в образе женщин, вынуждающих подарить открытку, став при этом как «все». ПН представляет ряд глаголов, отражающих борьбу мыслей в голове ребенка: *Стая женщин с криком и стуком навалились на меня, стучат в мое мозгу, давят и пихают: передай, передай* [6, с. 280].

Повторная номинация, подобранная автором для описания неба, показывает нам внутреннее состояние девочки: *Желтое небо на влажном западе изнутри наливается тьмой, сгущается, твороживается, горит, не угасая. Что я должна думать? Что? Я сажусь на твердую скамейку, – холод через рейтузы, маленькие боты в почерневшем снегу, ранец комком у ног. Я опускаю голову к коленям, я быстро и коротко плачу, а потом подбираю ранец, подбираю себя, прерывисто вздыхаю, вытираю варежкой лицо и, решившись, шагаю в кошачью тьму парадной* [Там же].

Нарастание страха передается глагольной формой ПН, расположенных в заданной последовательности по признаку нарастания: *наливаться* ‘проникать, втекать куда-либо или во что-либо’ [5, т. VII, с. 308]; *сгущаться* ‘стано-

виться густым, более густым’ [Там же, т. XIII, с. 510]; *твороживаться* ‘превращаться в творожистую массу, свертываться’ [Там же, т. XIV, с. 812]. Нет больше света, тепла и ощущения радости, остался лишь страх и темнота перед глазами маленького ребенка.

Писательница раскрывает перед читателем эмоции маленькой девочки, пережитые ей за короткое время: от радости и счастья до волнения и страха.

Самой сильной из группы фрустрационных эмоций (по Е.П. Ильину) является гнев. Ее в рассказе Т. Толстой «Художник может обидеть каждого» выражает группа слов: *звери алчные, пиявицы ненасытные: Гуляйте же, гуляйте напоследок по Прудам, смотрите на них с улыбкою прощальной, покажите детям, пусть запомнят. «Демонтировать навильон под ансамбль Булгакова, – мечтает зодчий, – затея соблазнительная, но почти неосуществимая. Значит, вода». Значит, – прощай, вода! Звери алчные, пиявицы ненасытные, что горожанину вы оставляете? воздух! один только воздух!... Но воздух пока свободен. И свободно пока летают по нему народные мстители – голуби. Посидев на головах увековеченных, они, конечно, свободно, обильно и наглядно выразят свое отношение к проектам Российской академии художеств. Летите, голуби!* [7, с. 99–100].

Рассуждения Т. Толстой о проекте Российской академии художеств вызывают в ней бурю негодования, которая выливается в гневной оценке распоряжения московских властей. Давая им характеристику, писательница использует ПН: *зверь* перен. ‘о бессмысленно жестоком, бессердечном, грубом человеке; о свирепом насильнике’ [5, т. IV, с. 1152]; *пиявица* перен. ‘об угнетателе, кровопийце’ [Там же, т. IX, с. 1279]. Помимо этого автор дополняет и без того экспрессивную лексику качественными прилагательными *алчные* ‘жадный к наживе, стремящийся больше получить для себя; корыстный’ [Там же, т. I, с. 102], *ненасытные* простореч. ‘о жадном, корыстолюбивом человеке’. Всё это лишний раз доказывает, что сильные эмоции требуют такого же сильного отражения в языке.

Подводя итог, следует отметить эмоциональность рассказов Т. Толстой. Повторная номинация помогает писательнице не только передать эмоции своих героев, но показать их в динамике, подчеркнуть их силу и глубину. Повторная номинация представлена не только экспрессивной лексикой, но и нейтральны-

ми словами, которые, обладая лишь номинативной функцией в языке, оживают в произведениях писательницы, отражая весь спектр человеческих эмоций.

Литература

1. Шаховский В.И. Что такое лингвистика эмоций [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации : электрон. журн. 2008. №10. URL : http://tverlingua.ru/archive/012/3_shakhovsky.pdf.
2. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 1995. С. 3–15.
3. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2001.
4. Илинская А.С. Знаковая типология языковых единиц, репрезентирующих эмоции в английском языке // Ползуновский вестник. 2006. №3. С. 98–105.
5. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
6. Толстая Т.Н. Не Кысь. М. : Эксмо, 2004.
7. Толстая Т.Н. Изюм. М. : Эксмо, 2007.

* * *

1. Shahovskiy V.I. Chto takoe lingvistika emotsiy [Elektronnyiy resurs] // Mir lingvistiki i kommunikatsii : elektron. zhurn. 2008. № 10. URL : http://tverlingua.ru/archive/012/3_shakhovsky.pdf.

2. Shahovskiy V.I. O lingvistike emotsiy // Yazyik i emotsii : sb. nauch. tr. Volgograd : Peremena, 1995. S. 3–15.

3. Ilin E.P. Emotsii i chuvstva. SPb. : Piter, 2001.
4. Ilinskaya A.S. Znakovaya tipologiya yazyikovyih edinit, reprezentiruyuschih emotsii v angliyskom yazyike // Polzunovskiy vestnik. 2006. № 3. S. 98–105.
5. Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyika : v 17 t. / pod red. V.I. ChernyishYova. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1948–1965.
6. Tolstaya T.N. Ne Kyis. M. : Eksmo, 2004.
7. Tolstaya T.N. Izyum. M. : Eksmo, 2007.

Repeated nomination as the means of expressing emotions in the works by Tatiana Tolstaya

There is analyzed the repeated nomination as the means of expressing the emotional state of the characters in the stories by Tatiana Tolstaya. There are revealed the most frequent emotions expressed by repeated nomination: disappointment, joy, excitement, fear, anger.

Key words: repeated nomination, chain of repeated nomination, emotion, emotional state, connotation.

(Статья поступила в редакцию 5.06.2014)

